

Р. Р. Садиков, А. С. Иликаев

К ПРОБЛЕМЕ ДЕФИНИЦИИ РЕЛИГИОЗНЫХ СИСТЕМ ФИННО-УГОРСКИХ НАРОДОВ ПОВОЛЖЬЯ

В статье рассматривается вопрос характера этнических верований финно-угорских народов Поволжья. Авторы отмечают, что определение их как языческих принадлежит миссионерской литературе и не имеет отношение к современной науке. Правильнее будет определять данный феномен как этнические религии. Вместе с тем до сих пор остается нерешенным вопрос о соотношении различных компонентов в верованиях мордвы, марийцев и удмуртов при очевидном определяющем воздействии христианства и ислама. Как отечественные, так и зарубежные исследователи пытались обнаружить в религии финно-угров Поволжья элементы анимизма, тотемизма, шаманизма и некоторых других ранних форм религии. При этом предпринимались попытки сблизить верования мордвы, марийцев и удмуртов с достаточно экзотическими для региона скифскими, древнеегипетскими, индуистскими и прочими религиями. Однако уже с XIX века наряду с наивными и ошибочными представлениями формируются получившие распространение впоследствии теории о финно-угорской основе верований рассматриваемых этносов. На конкретных примерах авторы данной статьи показывают перспективность такого подхода, когда, отмечая ряд представлений, не встречающихся у других народов региона, в том числе зафиксированных только в исторических источниках, можно отделить собственно мордовские, марийские и удмуртские верования от народного христианства соседнего русского населения, а также от исламского компонента. Кроме того, наряду с пластом, образованным влиянием мировых религий, в верованиях финно-угров Поволжья обнаруживаются элементы древнеиранской и древнетюркской религий, что позволяет сделать вывод о том, что, скорее всего, они успели сложиться в достаточно развитые политеистические религиозные системы, сохранявшие во многих случаях самобытный характер.

Ключевые слова: язычество, дохристианские верования, этнические религии, традиционная религия, ранние формы религии, финно-угры Поволжья, мордва, марийцы, удмурты.

DOI: 10.35634/2224-9443-2023-17-3-408-418

Введение

Религиозные системы финно-угорских народов Поволжья до сих пор в популярных изданиях именуют «язычеством» [Бой Анн-Дорит 2010, 86]. Однако стоит указать на то, что данный термин, вышедший из миссионерской литературы XVIII — XIX вв., в настоящий момент, по крайней мере в науке, устарел. Немного более точным следует признать и определение подобного рода верований как «дохристианских» [Мокшин 1998, 23–24]. Использование дефиниции «традиционные верования» представляет определенную трудность, поскольку она описывает больше тот этап религии, который был характерен для первобытнообщинной эпохи [Садиков 2019, 40].

Наиболее оптимальным решением представляется использование определения Г.-Ю. Грешата — этнические религии. Верования финно-угорских народов Поволжья отвечают всем, выдвинутым вышеупомянутым исследователем, условиям. Они принадлежат к небольшим общинам, географически ограничены, воспроизводятся (по крайней мере, так обстояло до недавнего времени) на основе устной традиции, определяют принадлежность к религии не путем принятия догм и обрядов, а этническим происхождением [Грешат 2001, 226].

Ряд современных исследователей (С. Б. Филатов, В. А. Шнирельман) предлагают считать верования мордвы, мари и удмуртов формой «неоязычества» [Иликаев 2022, 26–27] или «локальной религии» [Никитина, Устьянцев 2022, 201].

Более взвешенной точки зрения придерживается такой крупный специалист как В. В. Напольских, указывая, что традиции собственно аграрного деревенского общества у финно-угров Поволжья можно охарактеризовать как народную религию (нем. Volksreligionen). В то же время как в городах, в среде национальной интеллигенции, действительно, может иметь место конструирование в духе «нью-эйдж». При этом комплексы христианского и исламского происхождения в подобного рода «народных религиях» не только могут быть многочисленными, но и зачастую занимают центральное место и формируют всю систему [Напольских 2002, 136–138].

Дискуссионным представляется вопрос о самобытности религиозных верований финно-угров Поволжья. Е. Ф. Шумилов, говоря о распространении христианства в Удмуртии, высказал мнение, что удмуртская традиционная религия к началу ее этнографического изучения (то есть к XVIII в. — *P.P., A. C.*) уже представляла собой фактически один из видов восточно-европейского народного христианства [Шумилов 2001, 52]. Эта точка зрения была поддержана также некоторыми другими современными исследователями, также указывающими на значительное влияние на религии финно-угорских народов Поволжья исламских традиций [Напольских 2002, 136-138; Петрухин 2003, 229, 260].

Г. Харви, не отказываясь от устоявшихся в науке терминов, характеризующих ранние формы религий (анимизм, фетишизм) говорит о необходимости пересмотра устаревших, на его взгляд, точек зрения на саму сущность этнических верований. Последние во многом оказались более тесно связанными с окружающим миром, чем это казалось западным ученым, привыкшим отделять природу от культуры. Отказ от накопившихся искажений в понимании того же анимизма соответственно можно характеризовать как «новый анимизм». Кроме того, важно, что исследователи из числа представителей «коренных народов» оказываются в определенном смысле ближе к истине, поскольку не нуждаются в интерпретировании [Harvey 2017, 43-45].

Другой современный исследователь Л. Приммиано предлагает использовать термин «vernacular religion» (то есть самобытная религия, свойственная данной местности, родная для нее). Использование данного определения должно, по мысли ученого, помочь уйти от крайне неудачной дефиниции «народная религия». Последняя как бы подразумевает существование некой «официальной» христианской религии [Primiano 1995, 43-45].

Таким образом, если исходить из того положения, что религиозные системы финно-угорских народов Поволжья смогли исторически сложиться в целостные религии [Садиков 2019, 38-40], возникает вопрос, насколько эти этнические религии можно считать в основе своей собственно «традиционными» и «политеистическими»? Или их правильнее трактовать как разновидности восточно-европейского народного христианства с примесью исламской мифологии и очень незначительных остатков прежних первобытных финно-угорских верований?

Подходы к изучению верований финно-угорских народов Поволжья

Религиозные воззрения мордвы среди финно-угорских народов Поволжья были описаны одними из первых. Еще в XIII веке Юлианом, П. Карпини, В. Рубруком было указано, что мордвы являются «чистыми язычниками» [Мокшин 1998, 24-25]. Впоследствии другие исследователи (Н. Витсен, П. С. Паллас) отмечали поклонение мордвы верховному богу, а иногда и отсутствие идолов [Мокшин 1998, 26-28]. Наиболее полно мордовский Олимп был описан К. Мильковичем (XVIII в.) и П. И. Мельниковым-Печерским (середина XIX в.). В трудах последнего теогония мордовских божеств предстала такой необычно разработанной, что уже современники ученого стали подозревать, что автор какие-то мифы и образы сочинил сам, вероятно ориентируясь на древнегреческий пантеон [Мокшин 1998, 32]. При этом исток мордовской религии исследователи (И. Н. Смирнов) видели в анимизме, вере в духов [Мокшин 1998, 36]. В советское время Н. Ф. Мокшин дал определение мордовских верований как «дохристианских», сформировавшихся, как аналогичные марийские, в эпоху материнско-родового строя [Мокшин 1998, 40-41, 138]. При этом ученый отметил также существование отголосков более ранних форм религии, а именно, тотемизма [Мокшин 1998, 43].

Первые упоминания о религии черемисов относятся к самому концу XVI в. С. Герберштейн, А. Гваньини считали ее «язычеством» и даже разновидностью исламской веры [Ситников 2006, 3]. У Г. Ф. Миллера впервые встречается оригинальное, редкое обозначение для марийских жрецов югич [Миллер 1791, 47, 58] (йўктышö «чтец молитв»).

И. Г. Георги первым упомянул о супружеской паре верховных марийских богов: Юме (Когоюме) и Юмон Аве. Прочие, подчиненные им боги, являлись их детьми или родственниками [Георги 1799, 31]. В конце XVIII в. Н. П. Рычков попытался соотнести черемисские верования с религией скифов [Рычков 1779, 82-84]. Последующие исследователи первой половины – середины XIX – XX вв. в основном оценивали характер марийской религии с точки зрения теории эволюционизма. В то время как финские ученые в лице У. Харвы считали ее продолжением зачастую очень архаической, общей для всех финно-угров системы религиозных взглядов [Харва 2022, 20-21], то ряд российских исследователей (И. Н. Смирнов, С. К. Кузнецов, Н. И. Золотницкий) отмечали, что почти все свои

верования мари заимствовали у русских, чувашей и татар [Тойдыбекова 2007, 8]. При этом все большее распространение получали сравнительно исторические исследования, когда отдельные черты финно-угорской мифологии и марийской в частности относили к индоиранскому наследию (Х. Паасонен, А. Хамяляйнен) [Веке 1931, 98; Шкалина 2003, 317].

В. Е. Владыкин привел своеобразную сводку взглядов на характер удмуртской этнической религии. По его мнению, эти взгляды можно разделить на две группы. Первая группа объединяет мнения, зачастую не имеющие ничего общего с наукой и представляющие собой обозначения вроде «поганая», «языческая», «идолопоклонническая» или даже имеющая «сходство с египетской» [Владыкин 2018, 132–133]. Не меньшей оригинальностью отличился Н. Н. Блинов, отождествлявший религию удмуртов с буддизмом на том основании, что одно из удмуртских молений носит название «булда» [Владыкин 2018, 133]. Г. Е. Верещагин высказал мысль о том, что религия удмуртов есть не что иное, как смесь индуизма, брамизма и зороастризма [Верещагин 2000, 225]. В качестве аргумента, например, автор приводит якобы сходство наименования верховного удмуртского бога-творца Инмара с именем индийского великана Имира, из которого был сотворен мир [Верещагин 2000, 225]. Другая группа взглядов на удмуртскую религию характеризует ее как одну из форм ранних религиозных верований. Так, В. М. Бехтерев определял воззрения вотяков как шаманизм, Г. Н. Потанин – фетишизм, М. Бух и И. Н. Смирнов – анимизм [Владыкин 2018, 133].

Сравнительно-историческое исследование верований финно-угорских народов Поволжья

Мысли о бедности, примитивности местного политеизма или его заимствованном характере не раз высказывались как дореволюционными, так и современными исследователями. Так, Р. Г. Ахметьянов замечал, что в наиболее развитых и проработанных мифологических системах боги формируют целые семейные круги, в которых присутствуют не только матери и отцы, но и сыновья, дочери и даже внуки. Однако в религиозных системах народов Поволжья «семейственность божеств четко не проявляется» [Ахметьянов 1981, 11]. Но материалы свидетельствуют, что у удмуртов, например, еще в XVIII в. были шире распространены представления о высшем женском божестве Кылдыни Мумась, матери Илмера [Садиков 2019, 55–56]. В марийской мифологии Кугу Юмо еще в XIX веке рисовался владельцем бесчисленных небесных стад, живущим в большой белой избе на небе. Помимо младшего брата у него имелись сын и дочь-пастушка. По мнению А. Ф. Ярыгина, легенда о Юмо и его дочери имеет древнее происхождение и еще не несет в себе воздействия соседних, в первую очередь тюркских племен, не говоря уже о христианстве или исламе [Ярыгин 1976, 38]. В некоторых мифах упоминается и жена Юмо. Ее образ аналогичен образу Калтац-Эквы, супруги верховного небесного бога обских угров [Тошты мары шаявлä 1972, 42–44].

Хотя Н. П. Маторин, отвергая арабо-исламскую этимологию Керемет, сильно дискредитировал свои построения ссылкой на изыскания Н. Я. Марра [Маторин 1929, 44], нельзя не признать положительной его попытку вскрыть существо именно доисламского и даже дотюркского фундамента верований мари у удмуртов. Разумеется, сама по себе арабская этимология Керемет не означает того факта, что оригинальное имя и образ противника небесного бога у мари у удмуртов не сохранились. Еще дореволюционные исследователи считали, что образ Керемета удмуртами был заимствован у мари, в то время как противника Инмара чаще именовали Шайтаном, а то и Лудом, Ву-муртом [Маторин 1929, 46]. У мари, скорее всего, это был один из водяных духов (марийские Йоон, Йын, Йомшоэнер и т. п.).

Столь же показателен феномен культа Пиямбар у марийцев. Несмотря на заимствование в период распространения мусульманской религии, само имя и образ не имеют прямого отношения к исламу. У памирских народов Джабраил Пайгамбар (Архангел Гавриил) приводит первочеловеку Деду-Адаму из рая волов и различные виды зерновых культур [Березкин, Дувакин]. Возможно, данный образ имеет отношение к иранским мифам об Йиме. В. А. Акцорин считает, что в мифе «Йымын Ёдыр» («Дочь бога Йымы») клички животных восходят к иранским языкам [Марийский фольклор 1991, 269].

Также будет методологически неверно ставить знак равенства между исламским и тюркским компонентом в религии финно-угров Поволжья. Известно, что последние вступили во взаимодействие с булгарами и другими тюркскими народами еще до того, как последние приняли ислам. Возможно, до этого они еще испытали воздействие со стороны гуннов, аланов (агланасары – в удмуртской мифологии). Х. Паасонен описал у восточных мари пантеон, созданный не столько по исламскому, но древнетюркскому образцу с божествами, сидящими по правую и левую руку от божества [Ахметьянов 1981, 51].

В 1964 году увидел свет фундаментальный труд религиоведа С. А. Токарева «Религия в истории народов мира». В части, касающейся верований мари и удмуртов, маститый советский ученый во многом опирался на схему, разработанную репрессированным в 1930-е годы Н. П. Маториным [Маторин 1929, 48–49]. Религии мордвы, марийцев и удмуртов он отнес к религиям доклассового общества и переходного к классовому обществу (племенным культам) [Токарев 1986, 572]. При этом он отметил, что ранние формы религиозных верований долго держались в Поволжье и Западном Приуралье вследствие замедленных темпов экономического развития. Как и у народов Кавказа, религиозные представления финно-угорских народов Поволжья группировались вокруг аграрного культа, связанного с сельской общиной, и почитания предков. Прочие типы верований при этом отходили на второй план [Токарев 1986, 190–191].

По мнению С. А. Токарева, несмотря на то, что мордва испытала наибольшее русское влияние, именно ее божества носят наиболее архаический облик, сформировавшись, по всей видимости, в эпоху материнского рода [Токарев 1986, 195–196]. Также ученый отметил многочисленных богов и духов у мари. У удмуртов С. А. Токарев подтвердил существование верховного бога Кылчин-Инмара и при этом посчитал то обстоятельство, что верховный бог удмуртов живет на небе, а злые божества на земле – влиянием христианства [Токарев 1986, 196].

Особый интерес представляет параграф, где говорится о возможных пережитках шаманства у мари (мужаны) и удмуртов (вöсяси) [Токарев 1986, 196–197].

Решение проблемы

Примерно с середины прошлого века до начала 1990-х годов собственно религиозные верования финно-угорских народов Поволжья специально не исследовались. Усилия ученых сосредоточились в основном на сборе и изучении фольклора и мифологии. Ведущими методами стали компаративистский и антропологический (цивилизационный) подходы, постепенно теснящие «исторический материализм». Главным итогом подобной работы стала совместная статья о финно-угорской мифологии В. Я. Петрухина и Е. А. Хелимского. В ней, в связи с нашей темой, особенно важными представляются следующие моменты: в древнейшей финно-угорской мифологии сходны космогонические мифы, но они развивались под влиянием богомильской и других иранских дуалистических традиций; наиболее выражен дуализм в удмуртской мифологии; характерными чертами мордовской и марийской мифологий являются представления о духах-матерях [Мифы народов мира 2003, 563–566]. В 1990-е годы В. В. Напольских, опираясь на мнения А. Н. Веселовского, А. М. Золотарева, выдвинул концепцию прауральского космогонического мифа, которая наглядно показала ошибочность главного вывода эволюционистской школы о заимствовании мордвой, марийцами и удмуртами мифа о ныряющей птице [Напольских 1991, 112].

В целом, надо признать, анимистические, тотемистические, шаманистские основы верований финно-угорских народов Поволжья изучены до сих пор недостаточно. Причем одни исследователи (Б. П. Гаврилов, М. Г. Атаманов) склонны считать, что, например, у удмуртов сохранились следы матриархально-тотемной организации религиозного культа. Другие (В. С. Чураков, А. М. Максимов) считают, что в реальности тотемизм в удмуртских верованиях практически не обнаруживается и его не стоит смешивать с обычным зооформизмом [Иликаев 2002, 87].

Тем не менее, вопреки мнению скептиков, и у мари, и у удмуртов (в гораздо меньшей степени у мордвы) обнаруживается наличие обрядов и мифов, отражающих первобытный уровень развития религии. Некоторые представления нужно признать крайне оригинальными и не встречающимися у соседних народов региона. Например, поклонение керемету Кармакаю в виде мухи, «шаманские путешествия-видения» у марийцев [Иликаев 2002, 86; Маторин 1929, 59], связь удмуртского Инмара не только с молнией, но и с огнем и рыболовством (как у карельского Ильмаринена) [Евсеев 1973, 47].

С новым всплеском интереса к изучению этнических религий финно-угров Поволжья становилось все более очевидно, что последние не исчерпываются заимствованными из христианской или исламской религии пассажами. Характерным в этой связи стало мнение Б. Кнорре о том что, невзирая на иноязычные и иноверческие воздействия, «в системе марийских народных религиозных верований обнаруживается свой отличительный пантеон, своя отличительная система представлений о связи богов, природы и человека» [Религия и российское многообразие 2011, 313–314]. Исследовательница Т. Алыбина считает марийскую этническую религию анимистической по своему происхождению [Alybina 2018, 96].

Близкой к данным точкам зрения является мнение современного исследователя Е. В. Никольского. Последний определил удмуртскую религию как первобытный политеизм. Хотя воздействие христианства становится все более определяющим, до сих пор, по мнению исследователя, удмуртская религия «принимает языческий характер» [Никольский 2017, 10].

Е. В. Никольский совершенно прав, когда указывает на то, что не всегда с достаточной степенью основательности порой в удмуртском антропogоническом мифе усматривают влияние библейских преданий [Никольский 2017, 15]. В свое время последний неплохо был проанализирован В. М. Бехтеревым. Ученый указал на его явные отличия от библейской версии [Бехтерев 1880, 152–153]. Также заслуживают упоминания приведенные Г. Е. Верещагиным тексты удмуртских антропogонических мифов в ряде существенных деталей отличающиеся, кажется, даже от народно-христианских представлений русского населения [Верещагин 2001, 18–21].

Впрочем, возможно, не всегда точен Е. В. Никольский в отношении некоторых сюжетов удмуртских мифов. Так, справедливо усматривая сходство предания о Кылдысине с народными преданиями о Христе, Магомете [Первухин 1888, 7–8; Никольский 2017, 10–11], автор не отметил, что, к примеру, запрет красить одежды в синий цвет относится к разряду специфически удмуртских. Также, похоже, совершенно оригинальным является другое предание этиологического характера о Кылдысине, в котором бог превращается последовательно в белку, рябчика, тетерева и окуня [Первухин 1888, 32–34].

Определенных уточнений требуют работы Н. С. Попова в отношении марийской этнической религии. Например, излагаемый Н.С. Поповым миф о Юмо и Ёыне приводится не полностью, несмотря на знакомство автора с первоисточником [Попов 2016, 188–189]. Реально зафиксированный фольклористами космогонический и антропogонический миф о Тўн-Юмо и Шочын-Аве, творящих первые человеческие пары, ученый трактует исключительно как результат влияния на марийцев неких русских апокрифов [Попов 2016, 191]. На самом деле ничего подобного не только в русских, но и вообще в каких бы то ни было апокрифах (за исключением мотива о сотворении Богом различных народов и призывов плодиться и размножаться) нет. Вместе с тем, Н. С. Попову удастся обнаружить отличия марийских традиционных представлений от ветхозаветных, показать, что в первых большую и самостоятельную роль играют различные животные и птицы, боги, духи, что объясняется тем, что марийская мифология формировалась во времена финно-угорской общности [Попов 2016, 193].

Анализ Н. Ф. Мокшиным мордовской религии выглядит солидно и может быть своей систематичностью и глубиной сопоставлен с построениями В. Е. Владыкина относительно удмуртской религии. Однако и здесь можно указать на некоторые недоработки. Так, Н. Ф. Мокшин считает, что в сообщении Ф. И. Страленберга о том, что мордва молилась верховному богу Юмичипазу, тождественному Юмале, содержится неточность. По мнению ученого, у мордвы действительно имелось божество солнца Чи-паз, но первую часть теонима Ф. И. Страленберг додумал от себя по образцу марийского Кугу Юмо [Мокшин 1998, 26–27]. Но еще В. Е. Владыкиным в отношении образа Инмара было замечено, что иной раз за кажущимися описками старых авторов могут скрываться просто зафиксированные более ранние состояния этнической религии [Владыкин 2018, 103]. Возможно, что верховное божество Юмичипаз у мордвы в начале XVIII века еще было, но в последствие его культ забылся, исчез. Здесь вполне уместно провести аналогию с образом Илмы-Илмара, который, возможно, также был распространен шире и встречался у мари и даже чувашей [Евсеев 1973, 47].

Выводы

Все вышесказанное позволяет прийти к некоторым выводам. Очевидно, что религии финно-угорских народов Поволжья сохранили немало базовых древних образов и мотивов, в том числе анимистического, тотемистического характера. Вопреки утверждениям некоторых исследователей, в них, по крайней мере до XVIII – XIX вв., можно обнаружить общие культы верховных божеств. Также у всех трех этносов наличествуют свои, не сводимые к библейским или русским христианским апокрифам и мусульманским сказаниям, оригинальные мифы. Впрочем, сказанное не отменяет факта мощного влияния на верования мордвы, марийцев и удмуртов монотеистических религий. Оно постепенно усиливалось с течением времени, выразившись в постепенном упрощении пантеона и складывании своеобразных синкретических форм верований.

Перечислим ряд важных моментов не позволяющих все же считать этнические верования мари и удмуртов простой аналогией народному христианству восточных славян или некой формой народного исламо-христианского микса.

Во-первых, как было показано, верования финно-угров Поволжья включают в себя элементы, восходящие еще к временам прафинно-угорской общности (миф о ныряющей птице). Некоторые пережитки первобытных форм религии находят отражение в религии марийцев и удмуртов (тотемизм, анимизм). В древнейшей части пантеоны финно-угров региона образуют настоящие семьи (особенно у мордвы). Образы богов еще до XVIII – XIX веков были достаточно антропоморфными и проработанными. Иногда в них обнаруживаются крайне архаические черты, как, например, в удмуртском Инмаре.

Во-вторых, народное христианство, даже в случае пресловутого «двоеверия», никогда не допускало того, что какие-то русские крестьяне могли не посещать церковные службы, не отмечать церковные праздники. Ни один обряд жизненного цикла у русских не обходился без участия священника. Обязательными были пожертвования церкви, ее служителям. Еще креститель князь Владимир учредил церковную десятину. К тому же, в отличие от русских и татар, жрецы мари и удмуртов всегда говорили со своей «паствой» на одном языке. Русские и татарские крестьяне никогда не были свободны от контроля со стороны попов и мулл. Они не могли себе позволить как чуваша, черемисы и вотяки, например, не думать о Боге, когда в последнем у них не было прямой нужды. Сама идеология монотеистических мировых религий подразумевала, что обладающий первородным грехом человек постоянно должен размышлять о покаянии, искуплении (при том, что ст.-слав. слово грѣхъ, как и греческое, изначально обозначало просто ошибку), либо строгом следовании нормам шариата (в исламе). При этом стоит отметить, что народная культура, пропитанная языческими пережитками, у русских крестьян держалась очень стойко вплоть до XIX века. Совершенное равнодушие к официальной христианской религии, представлявшейся народу «непроницаемой тайной» отмечал А. И. Герцен [Угринович 1982, 219–232].

В-третьих, христианские святые, какими бы чертами прежних языческих богов не наделялись, все-таки оставались христианскими святыми, а не природными духами, как у марийцев или удмуртов. Определенную параллель можно лишь проследить на культе Матери-Сырой-Земли (клятва земель, обряды, связанные с вспашкой поля, запреты, лечебная магия). Также сами «жертвоприношения» в честь христианских святых лишь весьма условно можно назвать таковыми. Скорее, это были пиры, братчины-складчины. Кости животных, жир, шкуры не сжигались на кострах, не развешивались на деревьях. Тем более странно предположить, чтобы русские крестьяне думали, что сжигаемые животные возносятся с дымом к небу. Между тем этнографами в XIX веке было зафиксировано именно ритуальное сожжение черемисами жеребенка [Фукс 1840, 50–51]. Получается, в жертву божеству приносилась вся ценная туша животного целиком.

В-четвертых, даже пережиточные формы прежних языческих верований и русского и татарского населения носили явно подчиненный народно-христианским (народно-исламским) обрядам характер, располагались на периферии. Вряд ли можно посчитать великими жертвами наливание молока в блюдечко для домашнего ужа, оставление ложки каши домовому, последнего снопа Волосу, бросание монет в ручей новобрачной. Зачастую эти действия носили характер охранительной магии. Но даже в этом случае они резко осуждались церковнослужителями. Например, бросание веретен с пряжей в колодец (обряд мокриды, в котором видят реликт жертвоприношений богини Мокоши). В любом случае, русские и татарские крестьяне при этом не думали, что они приносят жертву каким-то сверхъестественным существам, равномогущественным Богу, Христу, Аллаху.

В-пятых, было бы упрощением картины считать, что на верования мари и удмуртов, особенно мари, никак не повлияли еще дозораострийские и доисламские воззрения древних иранских племен, как это было показано на феномене культа Пиямбара.

В-шестых, было бы упрощением картины считать, что на верования мари и удмуртов, особенно мари, никак не повлияли еще древнеиранские и древнетюркские верования соседних племен, как это было показано на феномене культа Пиямбара.

Кроме того, на что также было указано, финно-угры Поволжья вступили во взаимодействие с булгарами и другими тюркскими народами еще до того, как последние приняли ислам.

Таким образом, этнические религии финно-угорских народов Поволжья правильно считать разновидностью достаточно развитого политеизма, в течение своего развития подвергнувшегося самым

разным, в том числе позднейшим монотеистическим влияниям, но, несмотря на это, сохранившего во многих случаях свой самобытный характер.

ЛИТЕРАТУРА

- Ахметьянов Р. Г. Общая лексика духовной культуры народов Среднего Поволжья. М.: Наука, 1981. 144 с.
- Березкин Ю. Е., Дувакин Е. Н. Тематическая классификация и распределение фольклорно-мифологических мотивов по ареалам. Аналитический каталог. [Электронный ресурс]. – URL: <https://ruthenia.ru/folklore/berezkin/> (дата обращения: 22.12.2022).
- Бехтерев В. М. Вотяки, их история и современное состояние: Бытовые и этнографические очерки // Вестник Европы. 1880. Т. 4. Ч. 7–8. С. 621–624.
- Бой Анн-Дорит. Последние язычники Европы // ГЕО. 2010. № 4. С. 80–91.
- Верещагин Г. Е. О древнем происхождении вотяков / Верещагин Г. Е. Собрание сочинений: В 6 т. / Под ред. В. М. Ванюшева. Т. 3: Этнографические очерки. Кн. 2. Вып. 1 / Отв. за выпуск Шкляев Г. К. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2000. 251 с.
- Верещагин Г. Е. Собрание сочинений: В 6 т. / Под ред. В. М. Ванюшева. Т. 4: Фольклор. Кн. 1.: Удмуртский фольклор: Предания. Легенды / Отв. за выпуск Шкляев Г. К. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2001. 222 с.
- Вершинин В. И. Марий мут-влакын кушеч лиймышт: этимологий мутер. Происхождение слов марийского языка: этимологический словарь: в 2 т. Йошкар-Ола: ООО ИПФ «Стиринг», 2017–2018. Т. II. Н-Я. 2018. 741 с.
- Владыкин В. Е. Религиозно-мифологическая картина мира удмуртов. 2-е изд., доп. Ижевск: Удмуртия, 2018. 400 с.
- Георги И. И. Описание всех обитающих в Российском государстве народов... СПб., 1799. Ч. I. 76 с.
- Грешат Г. Ю. Этнические религии // Антес П. Религии современности. История и вера. М., Прогресс-Традиция, 2001. С. 223–248.
- Евсеев В. Я. Удмуртско-карельские фольклорные связи // Об удмуртском фольклоре и литературе. Ижевск: УдмНИИЭЛЯ, 1973. Вып. 1. С. 46–53.
- Иванова В. И. Теонимическая лексика чувашского и марийского народов: Туря, Юмо «Бог» // Вестник Чувашского университета. 2008. № 1. С. 162–169.
- Иликаев А. С. Матриархальные проявления ранних форм религии в космогонических мифах народов Урало-Поволжья: башкиры, марийцы, русские: монография / А. С. Иликаев. Уфа: РИЦ БашГУ, 2022. 336 с.
- Марийский фольклор: Мифы, легенды, предания. / Сост. Аккорин В. А. Йошкар-Ола: Марийское книжное издательство, 1991. 285 с.
- Маторин Н. Религия у народов Волжско-Камского края прежде и теперь. Язычество – ислам – православие – сектанство. М.: Акц. изд. о-ва «Безбожник», 1929. 175 с.
- Миллер Г. Ф. Описание живущих в Казанской губернии языческих народов, яко то черемис, чуваш и вотяков... СПб., 1791. 99 с.
- Мифы народов мира: Энциклопедия: В 2-х т. / Гл. ред. С. А. Токарев. М.: Большая Российская энциклопедия, 2003. Т. 2. 719 с.
- Мокшин Н. Ф. Религиозные верования мордвы. Саранск: Морд. кн. изд-во, 1998. 244 с.
- Напольских В. В. Древнейшие этапы происхождения народов уральской языковой семьи: данные мифологической реконструкции (прауральский космогонический миф). М.: Институт этнологии и антропологии АН СССР, 1991. 190 с.
- Напольских В. В. Заметки на полях: Неоязычество на просторах Евразии // Вестник Евразии / Acta Eurasica. 2002. № 1. С. 136–138.
- Никитина Г. А., Устьянцев Г. Ю. Традиционные религии vs неорелигии в XXI веке. Проблемы классификации и синкретиза (на материалах Поволжья) // Марийская Традиционная Религия. Мат-лы Всеросс. научно-практ. конф. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2022. С. 201–221.
- Никольский Е. В. Специфика удмуртского политеизма: первобытная религия и инородные влияния // ХРОНОС. Церковно-исторический альманах. 2017. № 4. С. 9–36.
- Первухин Н. Г. Эскизы преданий и быта инородцев Глазовского уезда. Эскиз 1-ый. Древняя религия вотяков по ее следам в современных преданиях. Вятка: Губ. тип., 1888. 104 с.
- Петрухин В. Я. Мифы финно-угров. М.: Изд-во АСТ: Транзиткнига, 2003. 463 с.
- Попов Н. С. Отражение ветхозаветных мотивов в космогонических мифах мари о творении мира и человека // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. № 1–2. 2016. С. 188–195.

- Религия и российское многообразие / Науч. ред. и сост. С. Б. Филатов. М.-СПб.: Летний сад, 2011. 688 с.
- Рычков Н. П. Журнал, или Дневные записки путешествия капитана Рычкова по разным провинциям Российского государства в 1769 и 1770 гг. СПб., 1770. Ч. I. 190 с.
- Садиков Р. Р. Традиционная религия закамских удмуртов (история и современность). 2-е изд., доп. / Р. Р. Садиков; Ин-т этнологических исследований им. Р. Г. Кузеева УФИЦ РАН. Уфа: Первая типография, 2019. 320 с.
- Ситников К. И. Словарь марийской мифологии. Том 1. Боги, духи, герои. Йошкар-Ола, 2006. 160 с.
- Тойдыбекова Л. С. Марийская мифология. Этнографический справочник. Йошкар-Ола, 2007. 312 с.
- Токарев С. А. Религия в истории народов мира. М.: Политиздат, 1986. 575 с.
- Тошты мары шаявлӓ: Тошто марий ой-влак / В.А. Акцорин чумырен. Ончылмут ден умылтары-машым В. А. Акцорин возен. Йошкар-Ола: Книгам лукшо марий издательство, 1972. 216 с.
- Угринович Д. М. Искусство и религия: (Теорет. очерк). М.: Политиздат, 1982. 288 с.
- Фукс А. А. Записки Александры Фукс о чувашах и черемисах Казанской губернии. Казань: В типографии Императорского Казанского университета, 1840. 329 с.
- Харва (Хольмберг) У. Ворования и мифология народов Северной Евразии. / Отв. ред. А. В. Головнев. М.: Castalia, 2022. 354 с.
- Шкалина Г. Е. Традиционная культура народа мари. Йошкар-Ола: Марийское книжное издательство, 2003. 208 с.
- Шумилова Е. Ф. Христианство в Удмуртии. Цивилизационные процессы и христианское искусство. XVI — начало XX века. Ижевск: Удмуртский университет, 2001. 434 с.
- Ярыгин А. Ф. Современные проявления дохристианских верований марийцев. Йошкар-Ола, 1976. 76 с.
- Alybina T. Contemporary mari belief: the formation of ethnic religion // Journal of Ethnology and Folkloristics. 2018. no. 2. vol. 12. pp. 79–114.
- Beke Ö. Tscheremissische Textezur Religion und Volkskunde. Oslo: Etnografiske Museum, Bulletin 4. Oslo, 1931. 100 s.
- Edward Burnett Tylor, Religion and Culture. Ed. by P.-F. Tremlett, L.T. Sutherland, G. Harvey. London. New York. Bloomsbury Academic Publishing Plc, 2017. 219 p.
- Primiano L. N. Vernacular Religion and the Search for Method in Religious Folklife. Western Folklore, 1995, no. 54, pp. 37–56.

Поступила в редакцию 15.03.2023

Садиков Ранус Рафикович

доктор исторических наук, главный научный сотрудник

Институт этнологических исследований им. Р. Г. Кузеева – обособленное структурное подразделение Федерального государственного бюджетного научного учреждения Уфимского федерального исследовательского центра Российской академии наук (ИЭИ УФИЦ РАН)
450077, Россия, г. Уфа, ул. К. Маркса, 6
E-mail: kissapi@mail.ru

Иликаев Александр Сергеевич

кандидат политических наук, доцент

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Уфимский университет науки и технологий»
(ФГБОУ ВО УУНиТ)
450076, Россия, г. Уфа, ул. Заки Валиди, 32
E-mail: info@minobrnauki.gov.ru

R. R. Sadikov, A. S. Ilikaev

ON ISSUE OF DEFINING RELIGIOUS SYSTEMS OF FINNO-UGRIC PEOPLES OF VOLGA REGION

DOI: 10.35634/2224-9443-2023-17-3-408-418

The article deals with the issue of the nature of ethnic beliefs of the Finno-Ugric peoples of the Volga region. The authors note that their definition as pagan belongs to the missionary literature and has no relation to modern science. It would be more correct to define this phenomenon as ethnic religions. At the same time the question of the correlation of

various components in beliefs of the Mordvins, Mari and Udmurts is still unresolved with the obvious decisive influence of Christianity and Islam. Both native and foreign researchers have tried to find out in the religion of the Finno-Ugric peoples of the Volga region some elements of animism, totemism, shamanism and other early forms of religion. Attempts have been made to connect beliefs of the Mordvins, Mari and Udmurts with Scythian, Ancient Egyptian, Hindu and other religions quite exotic for the region. However, since the 19th century theories about the Finno-Ugric basis of beliefs of the ethnic groups in question have been formed along with naive and erroneous ideas. Using specific examples, the authors of this article reveal the perspective of this approach, when noting a number of the beliefs not found in other peoples of the region, including those fixed only in historical sources, it is possible to separate Mordvin, Mari and Udmurt beliefs from the folk Christianity of the neighboring Russian population, and as well as from the Islamic component. In addition, along with the layer formed by the influence of world religions, some elements of Ancient Iranian and Ancient Turkic religions are found in beliefs of the Finno-Ugric peoples of the Volga region. This allows us to conclude that they are likely to have formed into rather developed polytheistic religious systems, in many cases retained their original character.

Keywords: paganism, pre-Christian beliefs, ethnic religions, traditional religion, early forms of religion, Finno-Ugric peoples of the Volga region, Mordvins, Mari, Udmurts.

Citation: Yearbook of Finno-Ugric Studies, 2023, vol.17, issue 3, pp. 408–418. In Russian.

REFERENCES

Alybina T. Contemporary mari belief: the formation of ethnic religion // Journal of Ethnology and Folkloristics. 2018. no. 2. vol. 12. pp. 79–114. In English.

Akhmet'yanov R. G. *Obshchaya leksika dukhovnoi kul'tury narodov Srednego Povolzh'ya* [General Vocabulary of Spiritual Culture of the Peoples of the Middle Volga Region] Povolzh'ya. Moscow, Nauka, 1981. 144 p. In Russian.

Berezkin Yu. E., Duvakin E. N. Tematicheskaya klassifikatsiya i raspredelenie fol'klornomifologicheskikh motivov po arealam. Analiticheskii katalog [Thematic classification and distribution of folklore-mythological motifs by area. Analytical catalog]. In Russian. URL: <https://ruthenia.ru/folklore/berezkin/> (accessed 22.12.2022). In Russian.

Beke Ö. Tscheremissische Textezur Religion und Volkskunde. Oslo, Etnografiske Museum. Bulletin 4. Oslo, 1931. 100 p. In German

Bekhterev V. M. Votyaki, ikh istoriya i sovremennoe sostoyanie: Bytovye i etnograficheskie ocherki [Votyaks, their history and modern state: Genesis and ethnographic sketches]. Vestnik Evropy [Herald of Europe]. 1880. vol. 4. no. 7–8. pp. 621–624. In Russian.

Boi Ann-Dorit. Poslednie yazychniki Evropy [The Last Pagans of Europe]. GEO. 2010. no. 4. pp. 80–91. In Russian.

Edward Burnett Tylor. Religion and Culture. Ed. by P.-F. Tremlett, L. T. Sutherland, G. Harvey. London. New York. Bloomsbury Academic Publishing Plc, 2017. 219 p. In English.

Vereshchagin G. E. O drevnem proiskhozhdenii votyakov [About the Ancient Origin of Votyaks]. Vereshchagin G.E. *Sobranie sochinenii: V 6 t. / Pod red. V.M. Vanyusheva* [Collected Works: In 6 vol. / Under the editorship of V.M. Vanyushev]. vol. 3: Etnograficheskie ocherki [Ethnographic sketches]. Book 2. iss. 1. Izhevsk, UIIYaL UrO RAN, 2000. pp. 223–230. In Russian.

Vereshchagin G. E. *Sobranie sochinenii: V 6 t. / Pod red. V.M. Vanyusheva* [Collected Works: In 6 vol. / Under the editorship of V.M. Vanyushev]. vol. 4: Fol'klor. book. 1.: Udmurtskii fol'klor: Predaniya. Legendy / Otv. za vypusk Shklyayev G.K. [Udmurt folklore: Tales. Legends / Responsible for the issue Shklyayev G.K.]. Izhevsk, UIIYaL UrO RAN, 2001. In Russian.

Vershinin V. I. *Marii mut-vlakyn kushech liimysht: etimologii muter. Proiskhozhdenie slov mariiskogo yazyka: etimologicheskii slovar': v 2 t.* [The Origin of the Words of the Mari Language: Etymological Dictionary: in 2 vol.]. Ioshkar-Ola, OOO IPF «Stiring», 2018. vol. II. N-Ya., 741 p. In Mari and Russian.

Vladykin V. E. Religiozno-mifologicheskaya kartina mira udmurtov [Religious and Mythological Picture of the World of the Udmurts]. Izhevsk, Udmurtiya, 2018. 400 p. In Russian.

Georgi I. I. *Opisanie vsekh obitayushchikh v Rossiiskom gosudarstve narodov...* [Description of all peoples inhabiting the Russian State]. St. Petersburg, 1799. part. I. 76 p. In Russian.

Greshat G.-Yu. Etnicheskie religii [Ethnic religions]. *Antes P. Religii sovremennosti. Istoriya i vera* [Religions of modernity. History and Belief.]. Moscow, Progress-Traditsiya, 2001. pp. 223–248. In Russian.

Evseev V. Ya. Udmurtsko-karel'skie fol'klornye svyazi [Udmurt-Karelian folklore relations]. Ob udmurtskom fol'klоре i literature [About Udmurt folklore and literature]. Izhevsk, UdmNIIElyA, 1973. iss. 1. pp. 46–53. In Russian.

Ivanova V. I. Teonimicheskaya leksika chuvashskogo i mariiskogo narodov: Turä, Yumo «Bog» [Theonymical vocabulary of the Chuvash and Mari peoples: Turä, Yumo "God"]. Vestnik Chuvashskogo universiteta [Bulletin of the Chuvash University]. 2008. no. 1. pp. 162–169. In Russian.

Ilikaev A. S. *Matriarkhal'nye proyavleniya rannikh form religii v kosmogonicheskikh mifakh narodov Uralo-Povolzh'ya: bashkiry, mariitsy, russkie* [Matriarchal manifestations of early forms of religion in the cosmogonic myths of the peoples of the Ural-Volga region: Bashkirs, Mari, and Russian]. Ufa, RITs BashGU, 2022. 336 p. In Russian.

Mariiskii fol'klor: Mify, legendy, predaniya. / Sost. Aktsorin V.A. [Mari folklore: Myths, legends, tales. Comp. Aktsorin V.A.]. Ioshkar-Ola, Mariiskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1991. 285 p. In Russian.

Matorin N. *Religiya u narodov Volzhsko-Kamskogo kraja prezhde i teper'. Yazychestvo – islam – pravoslavie – sektanstvo* [Religion of the peoples of the Volga-Kama region before and now. Paganism – Islam – Orthodoxy – Sectarianism]. Moscow, Akts. izd. o-va «Bezbozhnik», 1929. 175 p. In Russian.

Miller G. F. *Opisanie zhivushchikh v Kazanskoj gubernii yazycheskikh narodov, yako to cheremis, chuvash i votyakov...* [The description of pagan peoples, living in Kazan province, such as Cheremis, Chuvashs and Votyaks.]. St. Petersburg, 1791. 99 p. In Russian.

Mify narodov mira: Entsiklopediya: V 2-kh t. / Gl. red. S.A. Tokarev [Myths of the World Peoples: Encyclopedia: In 2 volumes / Edited by S.A. Tokarev]. Moscow, Bol'shaya Rossiiskaya entsiklopediya, 2003. vol. 2. 719 p. In Russian.

Mokshin N. F. *Religioznye verovaniya mordvy* [Religious beliefs of Mordva]. Saransk, Mord. kn. izd-vo, 1998. 244 p. In Russian.

Napol'skikh V. V. *Drevneishie etapy proiskhozhdeniya narodov ural'skoi yazykovoï sem'i: dannye mifologicheskoi rekonstruktsii (praural'skii kosmogonicheskii mif)* [The Ancient Stages of the Origin of Peoples of the Ural Language Family: Data of Mythological Reconstruction (the Proto-Ural Cosmogonic Myth)]. Moscow, Institut etnologii i antropologii AN SSSR, 1991. 190 p. In Russian.

Napol'skikh V. V. Zametki na polyakh: Neoyazychestvo na prostorakh Evrazii [Notes in the margin: Neopaganism in the Eurasian Land]. Vestnik Evrazii [Eurasian Herald] / Acta Eurasica. 2002. no. 1. pp. 136–138. In Russian.

Nikitina G. A., Ust'yantsev G. Yu. Traditsionnye religii vs neoreligii v XXI veke. Problemy klassifikatsii i sinkretiza (na materialakh Povolzh'ya) [Traditional Religions vs. Neo-Religions in the 21st Century. Problems of Classification and Syncretism (on the Materials of the Volga Region)]. *Mariiskaya Traditsionnaya Religiya. Matly Vseross. nauchno-prakt. konf.* [Mari Traditional Religion. Proceedings of the All-Russian Scientific-Practical Conference]. Ioshkar-Ola, MarNIIYaLI, 2022. pp. 201–221. In Russian.

Nikol'skii E. V. Spetsifika udmurtskogo politeizma: pervobytnaya religiya i inorodnye vliyaniya [Specificity of Udmurt Polytheism: Primordial Religion and Foreign Influences]. XΠONOΣ. Tserkovno-istoricheskii al'manakh [Church-Historical Almanac]. 2017. no. 4. pp. 9–36. In Russian.

Pervukhin N. G. *Eskizy predanii i byta inorodtsev Glazovskogo uezda. Eskiz 1. Drevnyaya religiya votyakov po ee sledam v sovremennykh predaniyakh* [Sketches of Traditions and Life of the Foreigners of Glazov County. Sketch 1. Ancient Religion of Votyaks on its Traces in Modern Traditions]. Vyatka, Gub. tip., 1888. 104 p. In Russian.

Petrukhin V. Ya. *Mify finno-ugrov* [Myths of Finno-Ugric peoples]. Moscow, Izd-vo AST: Tranzitkniga, 2003. 463 p. In Russian.

Popov N. S. Otrazhenie vetkhozavetnykh motivov v kosmogonicheskikh mifakh mari o tvorenii mira i cheloveka [The Reflection of the Old Testament Motifs in the Mari Cosmogonic Myths about the Creation of the World and the Man]. Mezhdunarodnyi zhurnal gumanitarnykh i estestvennykh nauk [International Journal of Humanities and Natural Sciences]. 2016. no. 1–2. pp. 188–195. In Russian.

Primiano L. N. Vernacular Religion and the Search for Method in Religious Folklife. Western Folklore, 1995, no. 54, pp. 37–56. In English.

Rychkov N. P. *Zhurnal, ili Dnevnye zapiski puteshestviya kapitana Rychkova po raznym provintsiyam Rossiiskogo gosudarstva v 1769 i 1770 gg.* [The Journal or Daily Notes of Captain Rychkov's Travels in Different Provinces of Russia in 1769 and 1770]. St. Petersburg, 1770. part I. 190 p. In Russian.

Sadikov R. R. *Traditsionnaya religiya zakamskikh udmurtov (istoriya i sovremennost')* [Traditional Religion of the Udmurts of Zakamye (History and Modernity)]. Ufa, Pervaya tipografiya, 2019. 320 p. In Russian.

Sitnikov K. I. *Slovar' mariiskoi mifologii* [Dictionary of Mari mythology]. vol. 1. Bogi, dukhi, geroi [Gods, Spirits, Heroes]. Ioshkar-Ola, 2006. 160 p. In Russian.

Toidybekova L. S. *Mariiskaya mifologiya. Etnograficheskii spravochnik* [Mari mythology. Ethnographic Reference Book]. Ioshkar-Ola, 2007. 312 p. In Russian.

Tokarev S. A. *Religiya v istorii narodov mira* [Religion in the History of the World Peoples]. Moscow, Politizdat, 1986. 575 p. In Russian.

Fuks A. A. *Zapiski Aleksandry Fuks o chuvashakh i cheremisakh Kazanskoj gubernii* [Notes of Alexandra Fuks on the Chuvash and Cheremis of Kazan Province]. Kazan', 1840. 329 p. In Russian.

Kharva (Khol'mberg) U. *Verovaniya i mifologiya narodov Severnoi Evrazii* / Otv. red. A.V. Golovnev [Beliefs and mythology of peoples of Northern Eurasia. / Edited by A.V. Golovnev]. Moscow, Castalia, 2022. 354 p. In Russian.

Shkalina G. E. *Traditsionnaya kul'tura naroda mari* [Traditional Culture of the Mari People]. Ioshkar-Ola, Mariiskoe knizhnoe izdatel'stvo, 2003. 208 p. In Russian.

Shumilov E. F. *Khristianstvo v Udmurtii. Tsvivilizatsionnye protsessy i khristianskoe iskusstvo. XVI – nachalo XX veka* [Christianity in Udmurtia. Civilization processes and Christian art. XVI – the beginning of the XX century]. Izhevsk, Udmurtskii universitet, 2001. 434 p. In Russian.

Ugrinovich D. M. *Iskusstvo i religija* [Art and Religion]. Moscow, Politizdat, 1982. 288 p.

Yarygin A. F. *Sovremennye proyavleniya dokhristianskikh verovanii mariitsev* [Modern manifestations of pre-Christian beliefs of Mari people]. Ioshkar-Ola, 1976. 76 p. In Russian.

Received 15.03.2023

Sadikov Ranus Rafikovich

Doctor of Historical Sciences, Chief Researcher

R. G. Kuzeev Institute for Ethnological Studies –

Subdivision of the Ufa Federal Research Centre of the Russian Academy of Sciences

(IES UFRC RAS).

6, K. Marksa st., Ufa, 450077, Russia

E-mail: kissapi@mail.ru

ORCID ID: 0000-0003-4200-2568

Ilikaev Alexander Sergeevich

Candidate of Political Sciences, Associate Professor

Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education

«Ufa University of Science and Technology»

(FSBEI HE UUST)

32, Zaki Validi St., Ufa, 450076, Russia

E-mail: info@minobrnauki.gov.ru

ORCID: 0009-0003-6773-9053